

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОЗЕ Е. ЗАМЯТИНА

Г. А. Камлевич,

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Включение религиозной лексики в структуру художественных произведений Е. Замятина связано с одним из принципов модернистской литературы XX века – неомифологизмом – и является стилистически значимым в контексте всего творчества писателя.

Е. Замятин к религии относился отрицательно, несмотря на то, что его отец был священником. Писатель отмечал, что религия – «только стенка, которую человек строит из трусости, чтобы отгородиться ею от бесконечности» [цит. по: 1, с. 249]. В связи с этим включение религиозной лексики в структуру художественной прозы Е. Замятина является, по большей части, ироничным. Лексика религиозного культа представлена как на уровне названия произведений («Бич божий», «Сподручница грешных», «Церковь божия», «Дьячок») и их философии, так и на уровне конкретных персонажей и отдельных лексем.

Бинарная оппозиция *Бог – человек* – одна из основных в философском плане художественной прозы Е. Замятина, в том числе и в романе «Мы», где святыня Единого Государства – Часовая Скрижаль – оказывается своеобразной иконой, а ее описание выдерживается в традиционных цветах святости: *«Скрижаль... Вот сейчас со стены у меня в комнате сурово и нежно в глаза мне глядят ее туртурные на золотом поле цифры. Невольно вспоминается то, что у древних называлось «иконой», и мне*

хочется слагать стихи или молитвы (что одно и то же)» [2, с. 210]. Самы «нумера» (так именуются герои романа) постоянно сравниваются с христианами: «...это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение – добродетель, а гордыня – порок, и что «МЫ» от Бога, а «Я» от дьявола» [2, с. 282]. Им противопоставлены «люди за Стеной» – персонажи, которые ассоциируются с природой, жизнью, энергией. Их название, «Мефи», связано с одним из имен дьявола – Мефистофелем. «Антихристиане» борются с энтропией, ломают старое, догматическое, то есть выступают с положительным началом. Напомним, что роман «Мы» является антиутопией.

Религиозными понятиями и образами пронизан весь роман «Мы». Интересна девятая запись в дневнике главного героя, Д-503, в которой описывается, как Благодетель совершает казнь. Данное действие сравнивается с церковной службой и с совершением чуда: «Судя по дошедшим до нас описаниям, нечто подобное испытывали древние во время своих «богослужений» [2, с. 231]; «И тем не менее это всякий раз было – как чудо, это было – как знамение нечеловеческой мощи Благодетеля» [2, с. 233]. Подобное описание носит аллегорический, пародийный характер, так как новое, совершенное, общество оказывается построенным на старых, несовершенных с точки зрения героев, устоях.

Художественно оправданным является включение лексики, связанной с особой формой философского восприятия мира, в структуру других произведений Е. Замятина. В «Сподручнице грешных», «Знамени» и «Землемере» затронуты вопросы веры, показана монастырская жизнь в аспекте взаимоотношений монахов и мирских людей. В повестях и рассказах разных лет представлены образы «монашка позеленелого, сизого, наливного отца Евсея», который вместе с другим батюшкой – Иннокентием («губошлепый, баба с усами») – ждет, кому первому в стакан попадет муха («Уездное»); викария Дьюли, автора книги «Завет Принудительного Спасения» («Островитяне»); пьяного бородатого монаха, пляшущего на бочке («Бич божий»); органиста Бейли с «длинными обезьяньими руками» («Ловец человеков»); дьякона Индикоплева, который публично покался в том, что «в течение десяти лет обманывал народ» и «пользовался теперь доверием и народа и власти» («Икс»). Рассказ «Икс» заканчивается ироничными строками: «не следует доверять служителям культа, даже когда они якобы раскаиваются» [2, с. 444].

Люди, не относящиеся к служителям религиозного культа, часто показаны у Е. Замятина через отношение к религии. Так, главный герой «Уездного» начинает свои жизненные страдания с «экзамена по закону божьему», Чеботариха – «яростно шепчет молитву», думая о любовных утехх. В рассказе «Лев» в самый ответственный момент герой («кандидат в партию», «ударник»), выступающий в роли льва, крестится: «И затем

все увидели нечто совершенно фантастическое: лев поднял правую лапу, быстро перекрестился – и камнем рухнул со скалы...» [2, с. 495]. «Товарищ Чурыгин» в одноименном рассказе признается, что когда-то был верующим человеком, а «в данный момент с религией покончено», но в то же время речь персонажа насыщена религиозными лексемами и фразами: «...теперь этому, конечно, аминь вполне. А брату моему Стенке – царство ему небесное» [2, с. 444]; «горький факт нашей темной культуры, которая нынче, слава богу, существует уже на фоне прошлого» [2, с. 452]. Определенные ассоциации возникают, когда мы видим викария из повести «Островитяне», который спит, крестообразно сложив руки на груди.

Почти во всех произведениях Е. Замятина жизнь персонажей связана с религиозными праздниками и традициями: «после всенощной либо после обеда догонит Чеботариху батюшка Покровский, головой покачает...»; «крестили ребят оптом, дюжинами», «поутру на покров нашла кошка Милка исправницкая» («Алатырь»); «канун второго Спаса»; «мать-ключница сидела у гостиницы на каменной скамье, утисывала большую полтинничную просфору. И сама – просфора...» («Землемер»); «Ильин день – престол в Куймани, ярмарка» («Куны»); «на Пасху, по обычаю, все вахрамеевские «молодцы» – к хозяину с поздравлением, христосоваться с хозяином и хозяйкой» («Русь»); «...за голубыми ставнями заткнуты березки – вчера, на Троицу, перед обедней, заткнула мать Дорды» («Рассказ о самом главном»).

В прозаических произведениях Е. Замятина представлены различные лексико-семантические группы религиозной лексики: лексемы, называющие того, кто управляет миром (Бог, господин Христос, Иегова, Будда, милостивый); наименование служителей культа и верующих (викарий, дьякон, звонарь, христианин, богомольница); слова, называющие предметы культа и быта священнослужителей (риза, Евангелие, икона, алтарь, катехизис, амвон, келья, клирос); название религиозных праздников, обрядов, таинств (Ильин день, христосоваться, крещение); наименование основных моментов религиозной жизни (акафист, молитва, литургия, обедня, молебен, пост); философские религиозные понятия (рай, смирение, добродетель, грех); лексемы, представляющие традиционные библейские образы (Змий, Адам, Ева). Многие слова нуждаются в специальном комментировании при изучении творчества Е. Замятина в школе и вузе.

Из христианской культуры заимствованы различные устойчивые выражения, причем в одних случаях они включаются в произведение без изменений, в других – подвергаются художественной трансформации: «...вы так вдохновенно меня озирали, как некий мифический бог в седьмой день творения» [2, с. 207]; «проводник в царствие небесное» [2, с. 360]; «Мы же – слава Благодетелю – взрослые взрослые, и игрушки нам не нужны» [2, с. 274]; «...они пришли, чтобы совершить подвиг, они пришли,

чтобы предать на алтарь Единого Государства своих любимых, друзей – себя» [2, с. 227]; «...с небес нисходил к нам Он – новый Иегова» [2, с. 289]; «верил в религию» [2, с. 444]; «А в писании-то в твоём что сказано? Что всякий сукин сын мать и отца слушаться должен» [2, с. 445]; «С сердцем перекрестился Аверьян» – Ах, ешь твою... Мать Пресвятая Богородица...» [2, с. 377].

Насыщенность художественных произведений Е. Замятина религиозной лексикой демонстрирует авторский принцип «человекобожия». Для Е. Замятина главным является человек, его мысли, чувства, настроения, взаимоотношения с эпохой, в которой довелось жить. Писатель иронично высмеивает слепое поклонение кому-то или чему-то, заставляя читателя задуматься о необходимости действовать, а не ждать милости сверху. Религиозная лексика помогает противопоставить философию рабства и философию свободы, что было важным в начале XX века и актуально сейчас.

1. Анненков, Ю., Дневники моих встреч. Цикл трагедий / Ю. Анненков. – В 2 т. – Л., 1991. – Т. 1.

2. Замятин, Е.И. Мы : Романы, повести, рассказы, сказки / Е. И. Замятин. – М., 1989.